

18+

Владимир ЧИСЛЕНСКИЙ

GLORIA DEI

Этюд на тему "ревность"

Владимир Численский

**Gloria Dei. Этюд на
тему «ревность»**

«Издательские решения»

Численский В.

Gloria Dei. Этюд на тему «ревность» / В. Численский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512219-3

Это повесть о любви, страсти и, конечно, о ревности — как это и заявлено в заголовке. Молодой парень из небогатой семьи почти ежедневно видит в своем дворе молодую, хорошо одетую и красивую женщину, недавно туда переехавшую, втайне мечтая с нею познакомиться. И если бы не случай, он так бы и не смог преодолеть свою нерешительность, но — случайные встречи не всегда имеют счастливое продолжение.

ISBN 978-5-00-512219-3

© Численский В.
© Издательские решения

Содержание

Gloria Dei *	6
Глава 1	7
* Gloria Dei – (лат.) Слава Богу	8
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	19
Глава 8	20
Глава 9	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Gloria Dei

Этюд на тему «ревность»

Владимир Численский

© Владимир Численский, 2020

ISBN 978-5-0051-2219-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Gloria Dei *
(повесть)

Этюд на тему «ревность»

Глава 1

Тук-тук, тук-тук, тук-тук...

– Славка, Венерка идет!

Они могли бы и не говорить мне этого. Я и так прекрасно знал, что так ходить может только Венерка. Даже поздно вечером, когда я уже лежал в постели и пытался убедить себя, что читаю книгу или штудирую институтские конспекты; когда через открытое окно доносилось призывное и манящее «тук-тук», я всегда угадывал, что это она, подходил к окну и, оставаясь незамеченным, наблюдал за ней. Я никогда не ошибался. В нашем дворе многие носили шпильки, но только ее шпильки выбивали такую особенную, совершенно неповторимую дробь.

Впрочем, одна она возвращалась крайне редко: обычно ее привозили; обычно авто, на котором ее привозили, оставалось стоять под ее окнами до утра; чаще всего этим авто была новенькая «семерка» салатного цвета. Раза два или три мне удалось разглядеть хозяина «семеры» – это было лицо кавказской национальности, как теперь принято говорить. Лицо не ахти-какое красивое, но явно в себе уверенное, может быть, даже самодовольное...

– Славка, ну, обернись же – момент теряешь! – глумился надо мною Петька Безликий.

– Пошел ты..., – порекомендовал я, и обернулся.

Обычно она одевалась одинаково. То есть одежда и обувь были разные, но стиль всегда сохранялся один и тот же: шпильки, чулки, юбки и платья, максимально выставляющие ноги на суд широкой общественности. И общественность, я уверен, судила. Такие ноги трудно было оставить без внимания. Все остальное у нее было под стать ногам, но, видно, такая уж мы – мужчины – братия.

В этот раз она вышла в том, что мне нравилось у нее больше всего – короткое и легкое шерстяное платье красного цвета, схваченное в талии золотистым пояском, и красные туфли на высоком каблучке, инкрустированные сзади – по шву и шпильке – золотистой вставкой.

Так продолжалось уже восемь месяцев – с тех пор, как сдали и заселили новый пятиэтажный кирпичный дом в нашем дворе. Ее окна я знал хорошо: они находились на третьем этаже – почти напротив моих. Иногда, по вечерам, когда она была дома, я пытался разглядеть, что творилось в этой заветной для меня, судя по всему, однокомнатной квартирке, но это было невозможно – Венерка всегда плотно завешивала шторы.

Все мы уже знали, что живет она одна, что зовут ее Венера, что работает она в ателье или в Театре моды – не то художником-модельером, не то манекенщицей. Кто и как узнал обо всем этом – я понятия не имею. Ни я, ни, тем более, мои друзья никогда не пытались заговорить или познакомиться с нею – она была недосягаема для нас, она была женщиной из другого мира – из мира автомобилей, ресторанов, денег и красиво одетых людей.

Что же касается меня, то мысль о возникновении чего-то общего между мною и ею даже мне самому казалась абсурдной – кроме всего прочего она, похоже, была еще и выше меня ростом. Если б она не носила шпильки! Тогда бы, в принципе, разница в росте была бы не столь уж великой. Однако, если б у меня появилась возможность выбирать, я бы ни под каким предлогом не согласился, чтобы она обходилась без них – этот атрибут женской одежды был наиболее притягательным для меня.

Почему-то все называли ее Венеркой, а не Венерой, – между собой, разумеется. Может быть, в этом пренебрежительно-уничижительном суффиксе «ка» была наша маленькая месть за то чувство ущемленности, которое мы поневоле испытывали, глядя на нее. «Мы» – это я и мои друзья во дворе – Кайра, Брюс Ли, Петр Безликий, Ричард Богенбай и Уйгур-Твою мать. Это всего лишь клички.

* Gloria Dei – (лат.) Слава Богу

Тук-тук, тук-тук, тук...

В эту секунду мир, несомненно, изменился – то, что происходило в нем ежедневно и с безупречной точностью, было самым непостижимым для меня образом нарушено. Его Святейшество и Его Подлейшество Господин Случай – самым бесцеремонным образом вторгся в жизнь сразу двух людей. В мою и Венеркину.

Она стояла, едва удерживая равновесие, на одной ноге, морщилась и сверлила взглядом то нас, то свою отломившуюся шпильку – ее подвела образовавшаяся в старом и рассохшемся асфальте щель.

Я пользовался моментом, я торжествовал, я любовался. Даже в этой неприятной ситуации, в которой иная женщина, пожалуй, могла бы выглядеть довольно комично, Венерка впечатляла. Ее русые пышные волосы, когда она раздраженно взглядывала себе под ноги, сбивались ей на глаза и она энергично встряхивала головой, чтобы вернуть их на место. Нога, на которой она балансировала, напрягалась и оттого ее линии становились еще выразительнее.

– Ну, что уставился? Помогите! – слова были обращены ко мне.

Как-то странно вязалось надменное начало фразы с почти умоляющим окончанием.

Не совсем понимая происходящее, я приблизился к ней и подобрал каблук. Затем нерешительно, но крепко взял ее за локоть. Она тут же, нимало не смутясь, оперлась ногой, обутой в изуродованную туфельку, на носок моей кроссовки. Наши лица были совсем рядом. Видимо, ей сразу стало легче и она, уже совершенно успокоясь, довольно непринужденно разглядывала меня. Я же смотрел на нее сдержаннее, но разглядел, наверное, не меньше. Вблизи ее лицо казалось не столь свежим, как на расстоянии – пожалуй, она даже была немного старше меня.

– Ну, что будете делать, сударь? – почти повелительно спросила она.

Я соображал. Иногда я соображаю медленно. Сейчас я соображал как человек, которому в следующей жизни будет позволено родиться только баобабом, или как человек, которого в этой жизни угораздило родиться дебилом.

– Может быть, ты посидишь здесь, а я сбегаю через дорогу – там будочка сапожника? – наконец, сообразил я.

– Это уже слова мужчины. Действуйте, сударь! – она говорила так, как будто по праву рождения могла распоряжаться и моим временем, и моими действиями. Надо сказать, что я воспринял это как должное.

Я подвел ее к скамейке, с которой всю сцену хмуро и молчаливо наблюдала вся компания.

– Встань, что расселся?! – обратился я к Петьке Безликому.

Он соскочил и мгновенно расплавил свою безобразную белесую рожицу в ехидной улыбке:

– Пожалуйста, мисс!

Она, придержав край платья рукой, невозмутимо уселась между Уйгуром-Твою мать и Кайрой и не менее ехидно поблагодарила Безликого:

– Вы бесконечно любезны.

Я ждал, когда Венерка снимет лодочку, а она, казалось, совсем забыла об этом. Наконец, я не выдержал и напомнил ей сам:

– Венера! Ты туфелькуними, пожалуйста.

Кайра, а он, конечно, был самым умным и наблюдательным из всех моих друзей, видимо, сразу отметил мое просительное «пожалуйста» и неодобрительно слегка покачал головой.

Венерка несколько мгновений в упор разглядывала меня, а затем, изящно вытянув вперед ножку, с улыбкой сказала:

– На, возьми.

В глазах ее скакали бесенята. Я оторопел.

– Тебя что-нибудь смущает? – улыбка все еще блуждала по ее губам: – И, кстати, откуда ты знаешь как меня зовут?

– Мы... мы все знаем, – выдавил я из себя. И, чтобы поскорее выпутаться из неловкого положения, присел на корточки и, осторожно взяв ее одной рукой за лодыжку, другой снял лодочку. Она тем временем внимательно смотрела на меня. От ее ног, чулок и от платья так одуряюще пахло – у меня чуть не закружилась голова.

– Пожалуйста, если можешь, побыстрее, – уже нормальным, не повелительным тоном попросила она, когда я выпрямился: – Я опаздываю.

Я с опаской оглядел своих друзей: можно ли оставлять ее одну с ними?

– Вы это... смотрите тут. Чтоб без эксцессов, – почти угрожающе предупредил я их.

Надо заметить, что угрожать своим друзьям я не имел никакого права. Какого-либо лидера в нашей компании не было, а что касается физической силы и умения работать кулаками, то тот же самый Брюс мог без особого труда уложить меня двумя-тремя ударами, но в этот момент я почувствовал, что могу немного рисануться, а ребята мне обязательно подыграют. Так и случилось:

– Как будет угодно, Поручик! – ответил за всех Уйгур-Твою мать.

Я побежал к сапожнику.

– Эй, а деньги? – крикнула Венерка мне вдогонку, но я только отрицательно махнул рукой.

Когда я вернулся, на скамейке все смачно курили «Мальборо».

«Наверное, она угостила, – догадался я. – И не постеснялись же взять, подлецы!»

– Вот! – удовлетворенно сказал я и поставил перед Венеркой отремонтированную туфельку.

Она быстро обулась.

– Пока! – бросила она ребятам и пошла по направлению к арке. Отойдя на несколько шагов, она обернулась и, удивленно посмотрев на меня, сказала:

– Что стоишь? Проводи!

Уже усевшись на заднее сидение подвернувшегося такси, она выглянула ко мне и ода-рила:

– Ты мою квартиру знаешь? Да? И все-то вы обо мне знаете! Как-нибудь вечером, если будет время, заходи. Ну, пока, сударь!

Глава 2

В эту ночь я долго не мог заснуть. Отец уже давно спал в своей комнате, уже давно отстучали мне «спокойной ночи» венеркины каблочки, а я все лежал и думал. Мыслям было тесно в моей голове, они наплывали одна на другую, сталкивались и толкались. Иногда мне даже казалось, что я думаю одновременно о совершенно разных, абсолютно не совместимых друг с другом вещах, а иногда все мои мысли вдруг замирали и притаивались и тогда, наверное, я ни о чем не думал. Хотя, быть может, все это мне только казалось.

Венерка сегодня вернулась одна. Конечно, это ровным счетом ни о чем не говорило. Но мне почему-то было очень приятно сознавать это.

Я снова и снова мысленно возвращался к событиям прошедшего дня; особенно к тому моменту, когда снимал венеркину туфельку.

Вдруг вспомнил себя – давнишнего, семилетнего – и свою давнишнюю, полузабытую мать. Вспомнил, как, силясь оторвать мои руки, которыми я прикрывал голову, она в беспомощности била меня туфелькой, приговаривая: «Портфель, я тебе покажу портфель, сволочь, будешь знать у меня, как беречь то, что для тебя мать покупает!» Туфли были новыми, модельными, с точеными, оканчивающимися металлическими набойками шпильками. Да и уж очень она старалась. Но, видно, и у меня черепашка достаточно крепкая была – выдержала. Вспомнил появившегося тогда, к счастью, вовремя, отца. Как он изумленно, ничего не понимая, мягко выговаривал ей:

– Лида, Лида, ну, что ты? Разве так можно?

– Да он, паршивец, ручку у портфеля оторвал! – все еще иступленно выкрикивала мать.

– Ручку? Какую ручку? При чем здесь ручка?

Ручку у моего портфеля оторвал Ричард Богенбай: игра такая у нас в школе была – подобраться сзади и неожиданно выбить портфель из руки приятеля ударом своего портфеля сверху. А я в тот раз на свою беду слишком крепко сжимал рукой эту проклятую ручку. Только и всего.

Хорошо, что она сбежала от нас. Когда мне было десять, после школы я обнаружил на столе записку: «Ухожу от вас к другому человеку. С ним мне будет лучше. Лида.» Вечером я молча протянул записку отцу. Он молча прочитал. На эту тему мы с ним вообще не говорили – ни тогда, ни на другой день, ни через месяц, ни через год. И никогда не будем говорить. Я это знаю точно. Потому что я этого не хочу. И он не хочет.

Потом я вспомнил лицо кавказской национальности. Самодовольное, но не очень красивое лицо. Нет, совсем некрасивое, просто неприятное, совершенно безобразное лицо. Что их связывает? Быть может, «семерка»? Я поморщился. Конечно, я не любил славянок, которые гуляли с подобными типами. Таких девочек я считал шлюхами. Но она? Сегодня мне совсем не хотелось так думать о ней. Она не такая. Наверное. Нет, точно – она не такая. Она познакомилась с ним случайно, он пристал, а она – по неопытности да по душевной лени – не смогла его отшить. А сейчас он, наверное, терроризирует ее. Она его боится. Ну, конечно, как я раньше об этом не догадывался – она его боится.

Если это так, то я его убью!

Я попробовал представить себе, как я буду его убивать. Ничего не выходило. Я никого не убивал прежде. Жаль! Во всяком случае, я побью ему морду. Это мне делать приходилось. Последние два-три года у меня это стало неплохо получаться. Спасибо ребятам.

Правильно! Пусть она только расскажет мне о его домогательствах или хотя бы намекнет на это.

Я с наслаждением представил, как бью его по самодовольному лицу, по противной морде кавказской национальности. В мыслях все было так здорово!

«Постой! – сказал я себе: – А справишься ли ты с ним? Ведь, похоже, он гораздо крепче, чем ты. Нет, нет, – убеждал я себя, – справлюсь, обязательно справлюсь, я должен, так надо. А потом, когда я его отошью, она будет мне благодарна, мы подружимся и... Боже! Неужели после этого „и“ может случиться то, о чем я...»

Здесь я остановился. Очень трудно было представить, что у меня с Венеркой может быть что-нибудь после «и». С другими это случалось, случается и будет случаться – и после «и», и до «и», и даже над «и».

Завтра понедельник. Завтра меня ждет Гульнара – медсестра из больницы ЦК и (по-совместительству) эротичная, сексуально-озабоченная дура. Я с ней познакомился на дне рождения у Уйгура-Твою мать. Она подруга его подружки. Увлекается астрологией. Это оказалось той веской причиной, по которой мы очутились в одной постели. Я пришел к ней поболтать, а она оставила меня ночевать – на соседней кровати. Час мы ворочались с бока на бок, а потом она продекларировала:

– Я так больше не могу.

Я ее не хотел. Я остался, потому что было очень поздно и я устал за день. Но пришлось смириться. Хранить верность тогда оказалось некому.

– Иди ко мне, – сказал я и откинул край одеяла.

Потом мы «кувыркались». Мы идеально подходили друг другу. В физическом отношении. Каждую ночь я делал два-три обычных для меня витка. «Долгоиграющих» – это тоже для меня обычно. Она за каждый мой виток «догонялась» по 6—8 раз. Каскад оргазмов, целый фейерверк! – это было забавно. Наверное, во всем этом было больше ее заслуги, нежели моей. Через неделю она обнаружила «спутник». Под утро. Я еще спал, а ей захотелось возбудить меня сонного. И она полезла туда рукой.

– Что это? Зачем? Это же... это же садизм!

Она смотрела на меня широко открытыми глазами. Взгляд ее был изумленным и в то же время отчуждающим. Казалось, еще немного и они – глаза – вывалятся из орбит.

– Тебе что, дурочка, больно было? – с усмешкой спросил я. Потом равнодушно добавил: – Если хочешь, я уйду.

Я ведь не дорожил ею. Подумаешь, хорошо в постели. А после постели? После просто было легче заниматься чем-нибудь другим – учебой и прочим.

Она думала долго, а я насмешливо наблюдал.

– Наверное, будет лучше, если ты уйдешь.

Я ушел, не проронив ни слова. Как в романах. Через неделю она мне позвонила: соскучилась. Все вернулось в исходное. Больше она не возникала. Она даже перестала встречаться со своим прежним любовником: каким-то зам. министра – евреем. Дяденьке было уже за пятьдесят. Ей же всего двадцать восемь. Когда-то он ее изнасиловал прямо в больничной палате. Потом, видимо, прикипел. Сейчас персональный автомобиль и министерская зарплата перестали производить на нее впечатление. А белых мальчиков она все еще любила.

Увы, Гульнарочка, а ведь, пожалуй, я к тебе завтра и не пойду. Я вообще завтра никуда не пойду. Даже к Венерке – чтобы не подумала, что мне, как мальчику, невтерпеж. Даже к друзьям на скамейку – надоели. Пусть перебьются один вечер без меня.

Завтра я буду весь вечер по душам разговаривать с отцом. Мы давно уже этого не делали.

Глава 3

На следующий день мы с отцом «скрестили» наши интеллекты на бранном поле – над кухонным столом. «Скрестили» – это, конечно, довольно лестный оборот для меня. Мой интеллект куда менее остер, чем отцовский. Да и покороче. Он ведь у меня художник. Талантливый, но неудачливый. Неудачник он во всем – в любви, в творческой своей судьбе, в быту. Пожалуй, только с друзьями ему повезло. Ему уже сорок шесть, а у него пятеро друзей. Настоящих. Это уже проверено. Все они художники и у всех точно такие же проблемы, как и у отца. Один Андриалович среди них исключение – у того и семья, и деньги, и квартира в престижном районе, и выставки, и поездки за границу. Но он ничего – умница – не зазнается.

Они часто собираются у нас и болтают до посинения. Я люблю их слушать. Мне кажется, что я мудрею в их компании. Хотя, может быть, я опять себе льщу.

Раньше (до перестройки) отцу было легче: он разрисовывал холлы и рекреации в школах и детских садах, и мы не так уж и плохо жили. Сейчас стало хуже – художников пруд пруди, а денег детским садам и школам почти не выделяют. Теперь отец вынужден «кантоваться» на алматинском «Арбате» – у гостиницы «Казахстан», подле «Шегиса». Там вся малюющая братия выставляет на продажу свои работы. Покупают, в основном, иностранцы. Правда, в последнее время и местные из «нуворишей» нет-нет, да и купят чего-нибудь. Приобщаются, суки!

Отец очень радуется, что я не свихнулся. Свихнуться – это, по его определению, означает начать писать стихи, картины, в общем, стать человеком творческим.

Я всего-навсего студент филфака. Я буду обучать детишек словесности. А деньги? Деньги – это дерьмо. Так говорит отец. Ты не прав, папа! Ты, наверное, единственный во всем нашем дворе, кто не заметил появления Венерки. А вот твой сынок заметил. И, причем, одним из первых. Мало того, так еще и она, пусть и через восемь месяцев, но все же заметила твоего отпрыска, папа. И даже позволила снять туфельку со своей уникальной ножки.

Всего этого я отцу не сказал. Все это я лишь подумал про себя. И о том, что его сынок комплексует ходить в задрипанных джинсах, я тоже промолчал. Отец и друзья – это единственное, что у меня есть. Значит, их надо беречь. Тяга к дружбе – это у меня, наверное, наследственное. А дружить надо уметь – так говорит отец. Уметь дружить – это значит уметь беречь своих друзей. Может быть, все эти рассуждения и не очень умны, но это мудро. Мудрость – не свойство ума, а свойство души. Это не цитата из «великих». До этого я додумался сам.

Когда мать от нас ушла, отец заболел. Ему тогда было тридцать три, наверное, а у него случился инфаркт.

Возможно, между этими событиями и нет никакой связи, но я почему-то думаю, что такая связь есть. Месяц я жил у Андриаловичей, а жена Андриаловича почти каждый день вместе со мной носила ему передачи. Почти постоянно у него кто-нибудь был: или Орал, или Марк, а иногда получалось так, что они собирались у его постели все вместе. Марк и Орал – это я их так только за глаза называю. В глаза – дядя Марк, дядя Орал и т. д.

Из-за этой болезни у отца тогда сорвалась поездка в Москву на выставку. Я уверен, что эта выставка сыграла бы важную роль в его судьбе.

Я ненавижу свою мать. Когда я говорю об этом своим друзьям или знакомым, они смотрят на меня как на недочеловека. Пусть. Их матери не сбегали от них, их отцы не валялись по месяцу в больницах после инфаркта, их никогда не били туфелькой по голове. Им меня не понять.

Уже целую неделю отцу не удавалось продать ни одной картины. А в прошлое воскресенье он продал сразу две – за двадцать и двадцать семь долларов.

В его комнате на шифоньере лежат прекрасные иллюстрации к «Мастеру и Маргарите». Они бесподобны – черно-белые, в графике. Что-то напоминающее манеру Сальвадора Дали. Но только напоминающее – отец никогда не писал своих работ «под кого-то». Он выше этого. Я это чувствую.

Если бы он снес эти иллюстрации на наш «Арбат», то, я уверен, – их бы расхватили в один день. И не менее чем по 100 долларов за каждую. Но он этого никогда не сделает. Время от времени мы вместе пересматриваем их.

За окном уже давно затихли голоса ребят и давно отстучали венеркины каблучки. Отстучали! Значит, она сегодня опять ночует одна.

Мы с отцом все еще не спали. Чудные образы «Ста лет одиночества» по-хозяйски заполняли нашу кухню и, будоража наши воображения, делали это неизбалованное женскими руками маленькое пространство совершенно необъятным и волшебным. Они отодвигали обклеенные обоями «под мрамор» стены все дальше и дальше, и вместе с ними все дальше и дальше отодвигались и суверенитет, и парламент, и новые цены, и «Арбат», и институт, и даже Венерка. Казалось, что над столом звучат не наши голоса, а зычный голос полковника Буэндиа; и проблемы маленькой и несчастной страны, населенной удивительными людьми и обреченной на сто лет одиночества, напрочь вытесняли все наши собственные проблемы.

К реальности нас вернул звонок телефона. Было уже около часу.

– Пап, возьми. Если это меня, спроси кто. Если это Гульнара, скажешь, что меня отправили на стажировку – в сельскую школу на две недели куда-нибудь под Иссык или Талгар.

– Это Маркес пробудил у тебя такое буйное воображение?

– Ну, пап!

– Ладно-ладно, уговорил.

Отец взял трубку.

– Да. А кто его спрашивает? – он прикрыл ладонью микрофон: – Какая-то Венера. Будешь говорить?

Я кивнул, хотя и не очень-то верил, что все это происходит в действительности.

– Сейчас я его позову, – сказал отец и протянул мне трубку.

Это была она. Это было невероятно, но в трубке звучал ее голос – я сразу узнал его.

– Доброй ночи, Поручик!

– Здравствуй! – я мучительно соображал, откуда она могла узнать номер моего телефона.

Тугодумам лучше задавать вопросы: – Как ты узнала номер моего телефона?

Она коротко рассмеялась.

– Я во дворе встретила одного из твоих приятелей. Ну, того, помнишь, что с краю, по левую руку от меня, сидел, черненький такой. Впрочем, они там почти все черненькие были. Он мне и подсказал.

– А, Уйгур-Твою мать, наверное, – догадался я.

– Как?!

– Ну, это кличка. Он уйгур и по фене никогда не ругается. Всегда говорит только «Вашу мать». Даже, когда сильно разозлится.

– Тогда ясно. Оригинально.

Мы помолчали немного.

– Вот что, – прервала она молчание, – завтра я не позднее половины десятого дома буду. Забегай, а то скучно.

– Хорошо.

Когда я положил трубку, отец иронически посмотрел на меня.

– Вот уж не думал, что Аполлона воспитываю, – подначил он.

– Ладно, пап, завязывай.

Глава 4

Нельзя сказать, что я вообще никогда не любил свою мать. Напротив. До самого ее побега я обожал ее, не смотря ни на что. Даже удары шпилькой не смогли вышибить этой любви, даже то, что она всегда насмеялась надо мной – и при гостях, и наедине. Хотя я всегда хорошо учился в школе, она относилась ко мне как к какому-нибудь недоумку. Она говорила, что я никогда не поступлю в институт, что на это у меня не хватит «тяги»; что меня не будут любить девушки, потому что я невысок ростом; что когда вырасту, буду таким же олухом, как и отец. Иногда она вдруг бросалась ко мне и судорожно сдавливала в объятьях мои плечи:

– Ты мой сын. Мой. Никогда не забывай, чей ты сын! – так она приговаривала при этом.

Иногда я замечал, как она смотрит на отца, когда он этого не видел. Взгляд ее был страшен. Казалось, он полон ненависти.

Но за что? За что она могла ненавидеть отца? Моего безобидного, интеллигентного и умного отца?

Глава 5

На следующий день, после занятий в институте я пристроился с конспектами на кухне и подгонял «хвосты». Раза два или три звонили ребята: спрашивали, отчего я не появляюсь во дворе уже второй день. Я отвирался, как мог – приболел, мол, плохо себя чувствую, упадок духа, в общем, все, что угодно, лишь бы не выходить к ним и не попадаться на их соскучившиеся по свежатине зубоскальные челюсти.

К вечеру, уже когда пришел домой отец, я все еще «затворничал» на том же месте, внимательно прислушиваясь к возгласам, залетавшим извне – боялся, что они меня «засекут», когда я отправлюсь к Венерке.

К счастью, около девяти они разошлись. У Венерки уже горел свет. Я, сдерживая нетерпение, но все же достаточно бестолково – даже сигареты умудрился забыть – собрался.

– Пап, я пойду прогуляюсь, – традиции ради сообщил я отцу.

– Кифару не забыл, златокудрый? – крикнул отец мне вслед.

Я ничего не ответил. «Подначки» отца никогда не причиняли мне боли, но, тем не менее, я вдруг подумал, что мне будет очень не по себе, если отец случайно встретит где-нибудь на улице меня в обществе Венерки...

Ее дверь была без глазка.

Она открыла сразу, причем так, что вначале мне показалось, будто дверь приоткрылась сама собой – молча, не спрашивая «кто это?», и как бы прячась за дверью. Несколько секунд я даже не решался войти.

– Ну, долго ждать? – неожиданно выглянув из-за кромки двери, спросила она.

Я неуклюже протиснулся в образовавшееся пространство, боясь, что задену дверь и тем сделаю ей больно.

Она как-то неожиданно проворно после всей предшествующей этому неторопливости прикрыла дверь и, резко обернувшись ко мне, с самой что ни на есть обычной женской улыбкой спросила:

– Куда пойдем: на кухню или в комнату?

Я, разумеется, выбрал кухню.

Обстановка квартиры была вполне заурядной – это даже немного удивило меня. В проеме двери, ведущей в зал, я мельком заметил шкаф с приоткрывшейся дверцей, в котором виднелись беспорядочно развешенные наряды, те самые, которыми Венерка производила впечатление на дворовую публику.

– Ты извини за бардак, я здесь только что марафет наводила, – пояснила Венерка, усаживая меня на кухне возле окна, словно отгадав мои мысли. – А «кухню» я скоро новую возьму, от этой уже тошнит..., – опять пояснила она. И опять угадала.

Кухонная мебель, и вправду, оставляла желать лучшего. Я сразу же вспомнил, как когда-то развивал перед друзьями теорию, что возможность обольщения женщины зависит только от возможности достаточно долгого общения с нею. Что ж, значит, старая мебель мне на руку. Нужно будет обязательно предложить ей себя в качестве столяра.

– Чай, кофе?

– Все равно.

Мне действительно было все равно.

Постепенно мы разговорились. Надо сказать, что природа наделила ее искренностью не меньше, чем меня. Через час она знала уже почти всю мою не ахти-какую длинную биографию, и – еще через час – сообщила мне свою, тоже не длинную и не сложную.

Она родилась в поселке, в Жана-Турмысе. У нее были и отец, и мать, и сестра – дочь матери от первого брака. Все они жили там, и лишь одна Венерка перебралась в город.

– Знаешь, он ее любит больше, чем родную дочь, – посетовала она. – Все Леночка да Леночка. А ко мне относится как-то...

Тут она остановилась. Я сотворил на своем лице понимание, хотя, честно говоря, ни шиша не понял.

– Я его тоже... не очень люблю, – продолжала откровенничать Венерка. – Маме так от него доставалось. Особенно, когда они помоложе были.

– Он ее бил? – позволил я себе любопытствовать.

– Нет. Не это... Ну, знаешь, гулял там, вел себя по-свински.

Мы помолчали. За окном смерклось, и на июньском небе весело перемигивались звездочки.

– Я даже «кухню» до сих пор не покупаю из-за него. Когда я дверь задумала обить, он мне неделю обещал, а так и не приехал. Пришлось мастера вызывать. Теперь с мебелью, я уверена, будет то же самое.

– Вызови мастера по объявлению, – посоветовал я, всюю своей душой надеясь, что совет этот ей не понравится.

– Да нет, что ты? Знаешь, как бабе одной жить... Когда в прошлый раз козел один пришел двери обивать, он мне все мозги выполоскал, скотина.

В момент, когда она это говорила, она смотрела на меня с таким возмущением и презрением, как будто я и был тем самым козлом.

– Задолбал! – продолжала Венерка. – Я тебе сделаю и даже бесплатно, и даже очень хорошо сделаю. И намеки, намеки.

Среднюю фразу она произнесла, переиначив свой голос под голос «козла». Прядки волос напознали ей на глаза, и она поминутно отдувала их.

В эти минуты она была так хороша и артистична, что я почти перестал понимать смысл того, что она говорила, и лишь с наслаждением слушал звуки ее низковатого, но приятного голоса.

– Послушай, Венерка, – очнулся я (момент был наиболее подходящим): – А давай, я тебе соберу кухню?

Она запнулась и с удивлением посмотрела на меня.

– А ты умеешь?

– Почему нет? Я и дома это всегда делал, и друзьям помогал собирать. Как помогал? Я делаю, а они мне лишь мешают, – пояснил я.

– Ну, давай. Я прямо завтра возьму кухню. Тебе на сборку много времени нужно?

– А ты какую кухню хочешь взять?

– Да «Трапезу», наверно.

Петьке Безликому я собрал «Трапезу» за восемь часов.

– Ну, не знаю: как пойдет. Дня два, я думаю, хватит, – вдохновенно соврал я.

Мы договорились, что я начну в воскресенье. До воскресенья, в принципе, оставалось совсем немного.

Я в течение всей нашей беседы все думал: когда же она меня попросит пойти к себе домой? Времени было уже около двенадцати, а она, казалось бы, игнорировала это обстоятельство. А может быть, не попросит?

– Славка, а давай, я тебя борщом накормлю? Хочешь есть?

Я готов был поклясться, что она не спрашивает, а уговаривает, даже просит меня поесть борща. В это мгновение она была совсем не похожа на ту красивую и вызывающе одетую девушку, которую я привык видеть в ней прежде: ее плечи как-то немного вздернулись и ужались, и она стала походить на беспомощного воробышка, замерзающего и трепещущего на ветру в зимнюю пору.

Я встал, изобразил задумчивость и одарил:

– Ты знаешь, а я ведь капитально хочу жрать. Ну, просто умираю от голода. Забыл, представляешь, поужинать дома сегодня.

Да, да, казалось, что это действительно было для нее даром или, по крайней мере, подарком: ее плечи сразу выпрямились, и она почти торжествующе улыбнулась.

Не прошло и пятнадцати минут, как передо мной появилась тарелка роскошного, дымящего ароматным паром, на редкость вкусного борща и блюдце с нарезанным изящными ломтиками деревенским салом.

Я ел, я благодумствовал, я ликовал!

Венерка умиротворенно и молча слушала мою болтовню. Она явно получала удовольствие от того, что я ем ее борщ. Быть может, она никогда и никого не кормила у себя прежде? Да нет, вряд ли.

Меня все подмывало спросить у нее о владельце зеленой «семерки», но я сдерживал свое любопытство и вместо этого с увлечением рассказывал ей о своих друзьях. Я ей рассказал, что Брюс Ли – он и в самом деле Ли, но Станислав – кореец, и что он уже несколько лет занимается каратэ и бесподобно дерется. Еще я рассказал, что Ричард Богенбай был дзюдоистом, что он рожден под знаком Льва и обожает читать книги о рыцарях и батырах, чем и заработал свою странную кличку – Ричард Львиное Сердце плюс Богенбай-батыр; что Петька Безликий самый вредноватый тип среди нас, и кличку ему придумал Кайра – с иронией над его неказистостью и белесой, незапоминающейся физиономией по аналогии с Петром Великим.

– А бабки, бабки они – твои друзья – на чем делают? – перебила меня Венерка.

С бабками у всех нас было напряженно. Ее вопрос так смутил меня, что дальше я уже ел молча.

– Ты извини, у меня завтра дел куча, – мягко сказала Венерка, когда я закончил есть. – Уже час почти. Тебе, наверно, надо идти.

«Мне надо идти? Да нет, мне совсем не надо идти. Мне вообще никогда уходить отсюда не хотелось бы». Так я подумал, но сказал совсем другое:

– Да, наверное. Только знаешь, так хорошо, интересно, что уходить совсем не хочется.

Я намекал, я юлил, я лицемерил, я тянул время.

– Нет, нет, Слава, – уже твердо прервала меня Венерка: – Мне тоже было не скучно с тобой. Поболтаем теперь в другой раз. В воскресенье, – напомнила она. – Ты еще не забыл, что грозился прийти и собрать мне кухню?

Она вытерла руки и отошла от раковины, в которой мыла посуду. Она стояла почти вплотную ко мне.

– Ну, будь умничкой.

Умничкой быть совсем не хотелось, но под давлением обстоятельств можно стать кем угодно. Я решил, что стану змеем – тем самым, библейским, коварным Змеем-искусителем – я буду терпелив, как Томмазо Кампанелла, жуликоват, как Калиостро, и предан, как Ланселот. Но когда-нибудь я добьюсь ее. Обязательно.

Глава 6

И все-таки, куда запропастилась морда кавказской национальности?

Глава 7

– Поручик, айда с нами на пиво.

Я столкнулся с ними нос к носу в воскресенье, прямо у подъезда. С ними – это с Кайрой, Уйгуром-Твою мать и с Безликим. На плече у меня висела сумка с инструментом. Погода была самая что ни на есть пивная: несмотря на утро, уже здорово припекало, на небесной синеве не замечалось ни единого облачка.

– Не могу. Я к Венере иду мебель собирать.

– К Вене-е-ере, – передразнил Петька. – Пол года назад ты про нее говорил, что она шлюха и «турчанская» девочка.

– Безликий, выпросишь сейчас! – агрессивно придвинулся я к нему.

– Кочумарьте, мужики (завязывайте), – впрягся Кайра и, предостерегающе глянув на Петьку, едва заметно кивнул в сторону арки.

Петька возникать не стал, и они тронулись в свою сторону, сопровождаемые позвякиванием в такт шагам крышки от бидона, который нес Аркен.

Когда они уже вошли в тень арки, Кайра обернулся и пожелал:

– Удачи тебе, Славка.

Удачи? Да, удача – это то, чего я хотел бы сейчас больше всего.

Неужели, я вправду называл Венерку шлюхой?

Глава 8

Кухню я собирал в воскресенье весь день и по вечерам – в понедельник и вторник. Допоздна! И все три дня был умничкой. Какой дурак придумал это слово?

Глава 9

– Венерка! А кто этот... на «семере»?

Венерка оторвалась от вязания и с любопытством взглянула на меня:

– Тебя очень это волнует?

– Просто интересно.

– Он мой Кавка!

И она опять вернулась к вязанию.

– Кавка?

– Ну да. Это я его так называю. Кавказец же все-таки!

Она опять подняла на меня глаза и продекларировала:

– А – зер – бут.

«Азербут», – это для меня звучало приятней, чем «мой Кавка».

– А кто он?

– В смысле?

– Ну, чем занимается?

– А-а. Фирмочка у него небольшая. Обьегоривает людей и Республику, тем и кормится.

Она сошла с кресла и, отложив вязку, перешла ко мне на диван. Я пялил глаза в телевизор.

Венерка закурила и, выпустив колечко дыма, сказала, указав сигаретой на экран:

– Мадина. Все никак помыться не может. А манекенщицей так себе была.

На экране обнаженная девица рекламировала ванное оборудование какой-то фирмы.

– Ты ее знаешь?

– У-гу.

– А он тебе, этот Кавка, – я попытался повернуть разговор в прежнее русло: – Друг?

Венерка повалилась на подушку и засмеялась:

– Друг, оказывается, Кавка – мой друг, надо же! И как тебе в голову такое могло прийти?

– Что я такого сказал?

– Он мой постоянный любовник. Уже три года. Ясно? И вообще, какого черта тебя вдруг заинтересовала эта мразь?

– И ты спишь с мразью?

– Да, сплю. Я и сама мразь порядочная.

Она вдруг прекратила откровенничать и снова села рядом. Минут пять мы молча смотрели телевизор.

– Только он все-таки мразь больше, чем я, – неожиданно сообщила она, зло сощурилась глаза.

Я возобновил свои расспросы.

– А «Тойота» – тоже любовник?

– Фифти-фифти.

– А «Мерседес»?

– О-о, это благодетель.

– А «Волга»?

– С этим дела.

Кажется, я перечислил всех. Я помолчал, набираясь духа, а потом хлестнул:

– Значит, ты вправду шлюха.

Она быстро загасила окурок и пошла в коридор:

– Сударь! Ваше время истекло.

Я медленно поднялся и прошел к ней. Она стояла у открытой двери. Мы молча смотрели друг на друга.

– Ты извини. Я не подумал. Я больше не буду, – уже совсем по-детски пообещал я. – Неужели, ты выгонишь меня без ужина?

Она ничуть не смягчилась. Но дверь все же закрыла и, молча пройдя на кухню, загремела посудой.

Я поплелся вслед за ней.

– Пожрешь и сразу смотаешься, – сказала она, поставив передо мною тарелку.

Я не стал перечить.

– Можешь здесь покурить пока, – свеликодушничала Венерка, когда я доел.

– Венерка, выходи за меня замуж, – я сам не ожидал, что сейчас такое скажу.

Она криво усмехнулась.

– Что я с тобой делать-то буду? Милостыню по подвалам собирать, а?

Взгляд ее был упруг и безотрывен. Было похоже, что она наслаждается ситуацией.

– А с Кавкой не собирала б?

– С ним – нет. Только я за него замуж-то не собираюсь. И потом: у меня ведь жених есть.

– Же-них? Вот еще новость! Какой жених?

– Нормальный. О двух руках, о двух ногах, об одной голове и – даже – об одном члене.

Впрочем, последнее – это не то, что меня в нем волнует.

– А что тебя в нем волнует?

– Он у меня мальчик смиренный. Правильный и послушный.

– Русский?

– Русский.

– Какой из себя?

Она довольно образно и артистично описала.

– А-а, – догадался я, – это который пешком ходит? И ведро выносит?

– Во-во, – подтвердила она.

– Что же ты так продешевила?

– Почему? Это любовник нужен с машиной, а муж должен ходить пешком, иначе может налево уехать.

– Как же он все это терпит? Ему не позавидуешь.

– Сашка-то? А он не терпит. Он просто ничего не знает. Может быть, и догадывается о чем-нибудь, но – это его проблемы.

– Я бы такого не потерпел.

– А тебя никто и не заставляет терпеть.

– Послушай, а где они все? Ну, эти – любовники, женихи, – пояснил я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.